

Глава XVI

КОММУНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ Внешняя политика СССР в 1985 г.

Мы Америке не проигрывали ни войны, ни даже сражения, и равным счетом ничего ей не должны.

М.Горбачев

1. Новые люди и новые инициативы

Выступая с «инаугурационной» речью, Горбачев провозгласил свое внешнеполитическое кредо, которое окажется не пустой декларацией, а действительным планом действий: «Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни... Мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле»¹. Речь шла, таким образом, о резком сокращении ядерных вооружений в обмен на отказ от программы СОИ. По мнению Горбачева, высказанному на заседании Политбюро 23 марта, «нам внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет. Требуется лишь активизация»².

«Активизация» последовала на следующий день. 24 марта Горбачев обратился к Рейгану с письмом. В нем он писал: «Наши страны различны по своему общественному строю, по господствующей в них идеологии. Но нам думается, что это — не причина для вражды. Каждая общественная система имеет право на жизнь, и свои преимущества она должна доказывать не силой, не военным путем, а на ниве мирного соревнования с другой системой»³. Горбачев предлагал Рейгану личную встречу и считал, что «такая встреча вовсе не обязательно должна завершиться подписанием каких-то крупных документов»⁴. Это было приглашение к знакомству с человеком, которому предстоит на протяжении нескольких лет определять курс политики СССР.

«Является господин Горбачев новым типом советского руководителя или нет — покажет время, — говорил Рейган своим сотрудникам весной 1985 г. — А это произойдет не ранее, чем через десять лет»⁵. Через десять лет не будет уже ни Горбачева у власти, ни СССР. Произойдут те самые

перемены, которые Рейган предрекал в своих публичных речах в начале 80-х гг. Но его разговоры в узком кругу показывали, что сам Рейган не верил в предсказанную его советниками гибель СССР в ближайшие годы, и его заявления на эту тему были прежде всего риторикой.

Советско-американские отношения тут же были омрачены инцидентом в ГДР близ германо-германской границы, в котором погиб американский офицер А.Николсон. СССР опубликовал заявление о приказе своим военнослужащим не применять оружие на этой границе. Однако такая микроскопическая уступка пока не меняла общей ситуации, и Рейган по-прежнему считал, что с Горбачевым будет «трудно иметь дело»⁶. Этот вывод подтверждался и мессианским тоном посланий нового Генсека, который пытался «агитировать» американскую сторону с тем же жаром, с которым Рейган в свое время агитировал Брежнева и Андропова. Горбачев писал: «Именно США оказываются на стороне группировок, выступающих против законных правительств»⁷. «Тщательно выверенный баланс интересов, заложенный в основу договоренности, США вознамерились резко качнуть в свою сторону»⁸. Речь шла о соглашении ОСВ-2. Но Горбачев, конечно, не признавал, что именно СССР своей ракетной модернизацией дал возможность США раскачать равновесие и «использовать географические факторы»⁹.

Горбачев твердо опроверг утверждение американской стороны, что СССР также стремится к созданию своей СОИ. Тем временем первый раунд переговоров в Женеве (март-апрель) зашел в тупик — США отказывались увязывать вопрос о своих военно-космических исследованиях с вопросом о сокращении ядерных вооружений. И тогда Горбачев впервые пошел на односторонние уступки, к которым будет впоследствии прибегать еще не раз. «Уже в начале апреля благодаря решительной поддержке М.С.Горбачева было принято отвергнутое ранее предложение о прекращении дальнейшего развертывания советских ракет СС-20»¹⁰, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко. Мораторий на развертывание ракет был введен 7 апреля. Этот шаг доброй воли как нельзя лучше согласовывался с экономическими возможностями СССР. Тогда же в интервью «Правде» Горбачев с грустью констатировал: «В Вашингтоне делают ставку на силу и этого не скрывают»¹¹. Такой же возможности у СССР уже не было. В ходе частичного вывода ракет из Восточной Европы их количество было сокращено до уровня июня 1984 г. (243 единицы)¹².

В переписке с президентом США Генсек выдвинул новую концепцию мирового порядка, которая должна была противостоять американскому демократическому мессианизму с позиций плюрализма, что могло произвести сильное впечатление на западное сознание: «Сегодня в мировой политике действуют — и самым активным образом — множество государств, каждое со своим лицом и интересами»¹³. Эта идея несколько расходилась с классической доктриной, принятой в КПСС, так как «увекочивала» мирное существование. Однако отечественная бюрократия уже давно не рвалась в «последний и решительный бой». Дело оставалось за малым — добиться «отказа империализма от

попыток решить исторический спор между двумя общественными системами», — как говорил Горбачев на апрельском Пленуме ЦК КПСС¹⁴.

Рейган решил, что настала пора продемонстрировать и свою готовность к прекращению холодной войны. 10 июня он заявил о том, что США будут и дальше соблюдать договор ОСВ-2, срок действия которого истекал в конце 1985 г.

Но СССР все равно опережал Америку по количеству мирных инициатив. В мае Горбачев предложил объявить в сороковую годовщину атомной бомбардировки Хиросимы мораторий на испытания ядерного оружия. План моратория привел к определенным трениям между политиками и военными. Вспоминает Г.Корниенко: «В августе 1985 г., когда решался вопрос о введении в СССР одностороннего моратория на испытания ядерного оружия, я, хотя и не питал иллюзий насчет присоединения США к мораторию, был решительным сторонником этого шага с нашей стороны. Военное же руководство, включая и соавтора (начальник Генерального штаба С.Ахромеев — *А.Ш.*), понимая политическую важность такого нашего шага, не могло не считаться с тем, что США будут продолжать ядерные испытания и уходить вперед, в частности в отработке малогабаритных ядерных зарядов, в том числе по программе СОИ. Оно предостерегало руководство страны об опасности такой ситуации, но решение о моратории все же было принято»¹⁵. 30 июля мораторий был объявлен в одностороннем порядке с 6 августа до конца года¹⁶.

Однако предложенное Москвой замораживание ядерных испытаний не вызвало позитивного отклика в Вашингтоне. Дело в том, что в США еще не был завершен цикл испытаний, в то время как в СССР могли некоторое время обходиться без них.

Горбачев изображал возмущение американской позицией: «Публичные высказывания официальных лиц в Вашингтоне по вопросу о моратории создают впечатление, что там, к сожалению, в основном заняты сейчас поисками, как бы половчее отклониться от такого ответа»¹⁷.

Переход к новому курсу во внешней политике СССР сопровождался заявлениями, которые должны были пока успокоить отечественный ВПК: «Мы и впредь не будем жалеть усилий, чтобы Вооруженные Силы СССР имели все необходимое для надежной защиты нашего Отечества, его союзников, чтобы никто не мог заставить нас врасплох»¹⁸.

Однако кадровые перестановки открывали несчастливую эру в истории отечественного ВПК. Его покровитель Г.Романов был отправлен в отставку («горе побежденным»), а стародавний партнер А.Громыко — перемещен на почетный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Горбачева не устраивал консервативный дипломатический стиль Громыко¹⁹. Время политики «семь раз отмерь, один раз отрежь» прошло. Без сдвигов на внешнеполитическом фронте нельзя было добиться успеха внутри страны. Горбачев заявил послу в США Добрынину, что без прекращения гонки вооружений никаких внутренних задач не решить²⁰. Давление США по-прежнему тормозило преобразования в СССР.

1 июля министром иностранных дел СССР был назначен Э.Шеварднадзе. Дипломатического опыта он не имел, но, как сказал Горбачев, рекомендуя его на этот пост: «Этот участок работы должен быть непосредственно в руках партии. Поэтому необходим товарищ из руководства». Горбачев сказал также, что Шеварднадзе «сумел справиться с труднейшей ситуацией в Грузии», что ему «присущи чувство нового, смелость, оригинальность подходов»²¹. Предложение назначить Шеварднадзе на этот пост вызвало в МИДе шок. И в первую очередь это касалось Громыко, который был готов уйти из министров, но полагал, что Генсек, обязанный избранием ветерану дипломатии, хотя бы посоветуется с ним. «Толя, в своей жизни я давно не испытывал такого удивления, а затем раздражения, как от решения Горбачева о новом министре иностранных дел. Сначала я не поверил своим ушам, спросил Горбачева, не ослышался ли... Я понял, что Горбачев про себя этот вопрос решил окончательно, он со мной не советовался, а просто просил поддержать замену... В то же время я считал, что Шеварднадзе не подготовлен к тому, чтобы профессионально вести работу министра иностранных дел»²², — говорил Громыко сыну.

Отсутствие дипломатического опыта у Шеварднадзе вполне устраивало Горбачева, которому на этом посту нужен был исполнитель — Генеральный лично собиравшийся руководить этим направлением. «Нет опыта? — говорил он Шеварднадзе накануне назначения. — А может, это хорошо, что нет? Нашей политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы...»²³

«Надо сказать, — вспоминает Г.Корниенко, — технику дипломатии новый министр освоил довольно быстро. Что, однако, к сожалению, стало вскоре бросаться в глаза... так это недооценка им настоящего профессионализма в дипломатии, игнорирование дипломатических знаний и опыта, если только они не служили его представлению о целесообразности или нецелесообразности какого-то действия в данный момент»²⁴.

Назначение Шеварднадзе означало конец политики консенсуса в советском руководстве, когда каждый шаг внешнеполитического ведомства должен был согласовываться с военными и КГБ. Теперь здесь инициатива принадлежала Генеральному секретарю и МИДу. Это оценил и противник. Рейган писал о Шеварднадзе: «Он хоть и был жестким, но менее враждебным и более представительным, нежели Громыко»²⁵.